

(1)Бог знает, почему он вдруг как живой возник в моей памяти во весь рост, что у него имелся. (2)Красный мятый колпак, красные же шаровары, свёрнутый набок, а изначально победоносный нос. (3)Первоначальных, фабричных глаз его я, кажется, так и не видел. (4)Когда мы познакомились, он смотрел на меня равно выразительными, но абсолютно разными глазами. (5)Один из них был костяной пуговкой от маминого бюстгальтера, второй – был тоже пуговкой, но уже от папиных кальсон, да и покрупнее. (6)Так два родительских тепла слились в нём, как и во мне. (7)Он был мне братом, он был красавец, его звали Петя.

(8)Я таскал его в авоське, как бездушную вещь. (9)Я лупил его бамбуковой лыжной палкой за собственные провинности. (10)Я сажал его за стол и изуверски заставлял пить ненавистный рыбий жир. (11)Я заставлял его учить таблицу умножения, которую сам не выучил до сих пор. (12)Я его любил.

(13)Он утонул в реке Волге, по водам которой мы с мамой плыли на пароходе «Станюкович» в город Горький в гости к дяде Вове, полковнику танковых войск. (14)Петя утонул, потому что мои руки не сумели удержать его над бездной. (15)Что я буду рассказывать о глубине моего отчаяния – кто же этого не знает?

(16)До сих пор не решено, как лучше – когда у ребёнка много игрушек или когда мало. (17)В смысле, как лучше развивается его воображение. (18)Кто ж его знает. (19)Мне кажется: смотря чье воображение. (20)И я не знаю, имело ли отношение к развитию моего воображения выгрызание человечков из печенья «Привет» или рисование рожиц на скорлупе выпитого яйца.

(21)Не то чтобы у меня не было игрушек. (22)Чего-то особенно вожаденного, – этого, конечно же, не было. (23)Не было у меня и, что главное, уже никогда не будет: деревянного коня, крейсера «Аврора» с трубами, пушками и мачтами, железной дороги, латунного пугача...

(24)О, эти заветные наганы-пугачи, лежавшие на самом дне крашенного синей масляной краской сундука. (25)Сундук, в свою очередь, располагался под ватной задницей дяди Серёжи, старьёвщика. (26)Старьёвщик дядя Серёжа въезжал на лошади во двор, спрыгивал с телеги, отворял свой заветный сундук... (27)Нет, лучше не вспоминать. (28)Того неподъёмного вороха тряпья, что я копил чуть не полгода, едва хватало на какой-то жалкий мячик на резиночке. (29)На пугач с пробками надо было копить, кажется, всю жизнь. (30)А она ведь так коротка. (31)Да и о водяном пистолете лучше бы не вспоминать, хотя он-то как раз у меня был, подаренный родителями к успешному окончанию пятого класса. (32)Быть-то он у меня был, но был ох как недолго. (33)Ну чем, скажите на милость, плохо было пуляться, как все люди, водой? (34)Ну зачем эти чернила? (35)И кому, скажите, было нужно, чтобы именно в этот момент из-за угла возник бежевый плащ Елены Илларионовны? (36)Нет, не могу. (37)Память, молчи!

(38)Было у меня и ещё кой-чего. (39)Полевой бинокль без стёкол, противогаз, шесть штук военных пуговиц, пластмассовая дудка, гармошка, визжавшая на манер пьяной Райки Гусевой из соседнего подъезда. (40)Был синий жестяной самосвал без одного колеса. (41)Куда оно делось – ума не приложу. (42)Вы не видели, кстати? (43)Нет, кое-что все-таки было. (44)Жаловаться – грех.

(45)Но Петя, Петя... (46)Первая из бесконечной череды потерь. (47)Где ты теперь? (48)Не весь же ты умер? (49)Покоится ведь где-то на керосиновом дне твоя ватная душа, слабо поблескивая двумя семейными сокровищами. (50)Вспоминай и ты обо мне, я часть из них.

Л. Рубинштейн. «Петя». 2000 г.

Среди предложений 45—50 найдите простое предложение, осложнённое обособленным распространённым обстоятельством, выраженным деепричастным оборотом.